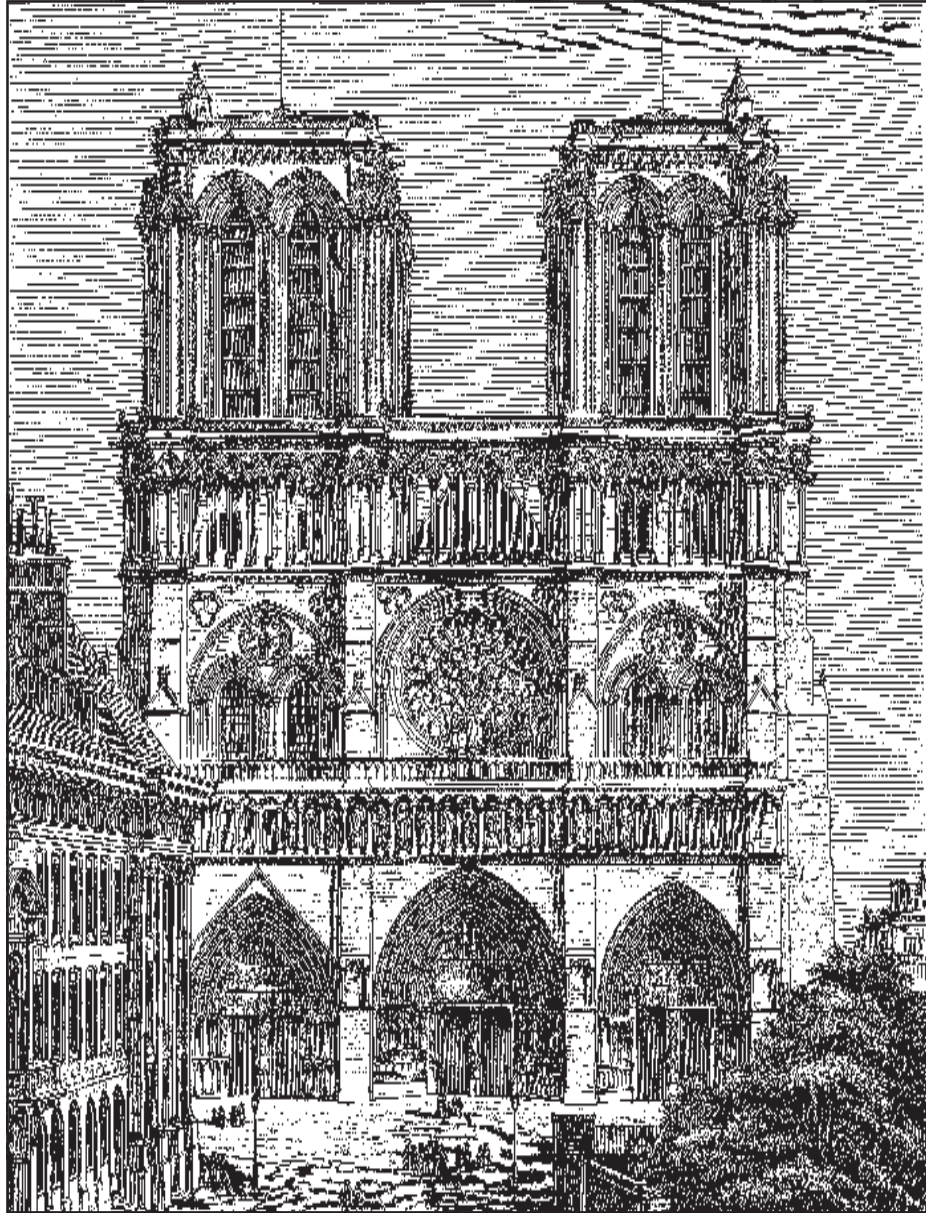

Книга четвертая

От Рудольфа Габсбурга до начала Реформации
(1273–1517)

Собор Парижской Богоматери.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рудольф Габсбург и его наследники до смерти Генриха VII. — Начало «Вавилонского пленения» церкви (1273–1313)

Граф Рудольф избранием не был застигнут врасплох. Выборам предшествовали довольно продолжительные переговоры. Предполагают, что на корону имело некоторые виды совсем другое лицо: *Пржемысл II Отакар* — чешский король, третий из королей Чехии, человек, обладавший несомненными личными достоинствами. Татарское нашествие нанесло его королевству довольно чувствительный ущерб, который он старался загладить поощрением переселения немцев-бюргеров и немцев-поселян и всеми силами пытался отстоять этот элемент от нападков местной аристократии. Отчасти брачным союзом, отчасти умением пользоваться обстоятельствами в такое время, когда право не пользовалось особым почетом, отчасти оружием он сумел расширить пределы своего государства. Таким образом, он около 1273 г. владел почти всеми немецкими землями, входящими в состав нынешней Австрии. Разбив венгерского короля Белу (или Владислава) IV в битве в долине Моравы, где и сам впоследствии потерпел поражение, он женился на его внучке. Предварительно он развелся со своей первой супругой Маргаритой Австрийской, не отказавшись, однако, от ее приданого. Его дальновидное честолюбие побуждало его стремиться к получению германской короны, и некоторое время он даже мог рассчитывать, что добьется своей цели: Энгельберт, архиепископ Кёльнский, вел с ним переговоры, но Пржемысл не принял предложенных условий, а избирателям, конечно, не был особенно желателен правитель, равный ему по могуществу и силе характера. В противоположность Пржемыслу граф Рудольф в глазах великих курфюрстов обладал тем несомненным преимуществом, что, будучи богат и пользуясь немалым влиянием, не имел больших земельных владений. До избрания он сумел воспользоваться всеми благоприятными обстоятельствами к своему обогащению и к возвышению своего значения и показал себя весьма деятельным и в войне, и в мире. Нельзя отрицать, что, и приняв королевский венец, он продолжал быть весьма деятельным и подвижным: в длинном ряду государей дома, которому он дал свое имя, он бесспорно был наиболее замечательным, и уже то обстоятельство, что он решился принять предложенную ему весьма трудную и неблагодарную роль германского короля, указывает на избыток честолюбия и смелой самоуверенности человека, которому многое удавалось в мелочах, и поэтому он думает, что и в большем будет пользоваться такой же удачей, оценивая это большее скорее по количеству, чем по его существенным качествам. Притом он был отцом большого семейства (шесть дочерей и три сына), и расчеты на возможность получше устроить свою семью в значительной степени влияли на принятие им королевского титула. В политическом и церковно-религиозном смысле

Избрание
Рудольфа
Габсбурга.

он не представлял собой ничего определенного: он приобрел значение как приверженец штауфенской партии и не раз подвергался отлучению от церкви. Грамота об избрании его в короли была ему привезена бургграфом Нюрнбергским Фридрихом Гогенцоллерном в то время, когда он осаждал город

*Рудольф I Габсбург. Конная статуя 1291 г.
на фасаде Страсбургского собора.*

Базель, т. к. был впутан в распрю с епископом Базельским: в силу нового достоинства он прежде всего даровал внутренний мир городу Базелю. Несколько недель спустя последовало его коронование в Аахене, и в то же время были отпразднованы свадьбы двух его старших дочерей, вышедших замуж за двоих курфюрстов (герцога Людвига Баварского и герцога Альбрехта II Саксонского), которые таким образом до некоторой степени заручились как для себя, так и для других курфюрстов готовностью короля не выходить из повиновения их воле. Он даже обязался при каждом важном решении испрашивать на то их «письменного» согласия. Что касается папы Григория X, то он дал согласие на избрание Рудольфа на довольно льготных условиях, взяв с него слово, что он отправится через четыре года в крестовый поход, а также вынудив его окончательно отказаться от притязаний на Среднюю Италию и Сицилию. Папа лично увиделся с королем

Рудольфом в Лозанне в ноябре 1275 г., где они и условились обо всем.

**Рудольф
и кур-
фюрсты.**

Рудольфа укоряют в том, что он воспользовался королевской властью только для того, чтобы увеличить свое состояние и удовлетворить другие личные интересы. Но к такому своекорыстию в значительной степени его вынуждало общее положение дел в государстве, ибо как только он задумал потребовать возвращения короне законно принадлежащих ей земель, отня-

тых в течение последних десятилетий, так тотчас должен был убедиться, что невозможно добиться выполнения этого требования законным и мирным путем. Он увидел, что главный недостаток врученной ему власти заключается в отсутствии материальных средств; и случилось так, что первая и весьма важная политическая задача, представившаяся ему для разрешения, поставила его в такое положение, что он должен был или все выиграть, или все проиграть.

Эта задача заключалась в разбирательстве с Пржемыслом Чешским, который ни в выборах короля, ни в его короновании не принимал участия и на все призывы нового короля отвечал полнейшим невниманием. Он даже явно отказывался признать Рудольфа королем, т. к. не явился хотя бы выслушать перед ним о передаче ему, Пржемыслу, в лен тех коронных земель, которыми он владел. Мало того, Пржемысл не потрудился даже скрыть своего презрения к «бедному графу». Но оказалось, что он плохо знал людей и что расчет его противника был основательнее. Часть рыцарства в немецких землях Пржемысла уже была недовольна его правлением и, не затрудняясь присягой, по обычаю времени, даже состояла в тайных отношениях с Рудольфом. Герцог Генрих Нижне-Баварский первым присоединился к Рудольфу со своими 1000 всадниками и открыл ему, таким образом, путь в Австрию. К коалиции, образовавшейся против Пржемысла, присоединился и граф Мейнхард Тирольский, польстившийся на возможность получить часть богатой добычи и руку одной из дочерей Рудольфа. Пржемысл со страхом заметил оборот, который принимает общее положение дел: с одной стороны, ему грозили венгры, с другой — он видел вокруг себя измену и в самой Чехии. Враги между тем осадили Вену, и когда этот город после долгой и упорной обороны сдался, Пржемысл запросил мира, и мир был обусловлен признанием Рудольфа в королевском достоинстве, уступкой Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны, причем было решено связать династию Пржемысла и Рудольфа двойным брачным союзом: Вацлав, наследник престола Пржемысла, должен был сочетаться браком с четвертой дочерью короля Рудольфа, а Хартман, сын Рудольфа — с чешской княжной Кунигундой. Разумеется, при этом Пржемысл не был избавлен и от тех унижительных обрядов, которыми обставлялось принесение присяги ленными владыками своему сюзерену, и немецкие хронисты особенно подробно и охотно распространяются о том контрасте, который всем бросался в глаза во время принесения ленной

Серебряная монета
Рудольфа I Габсбурга.

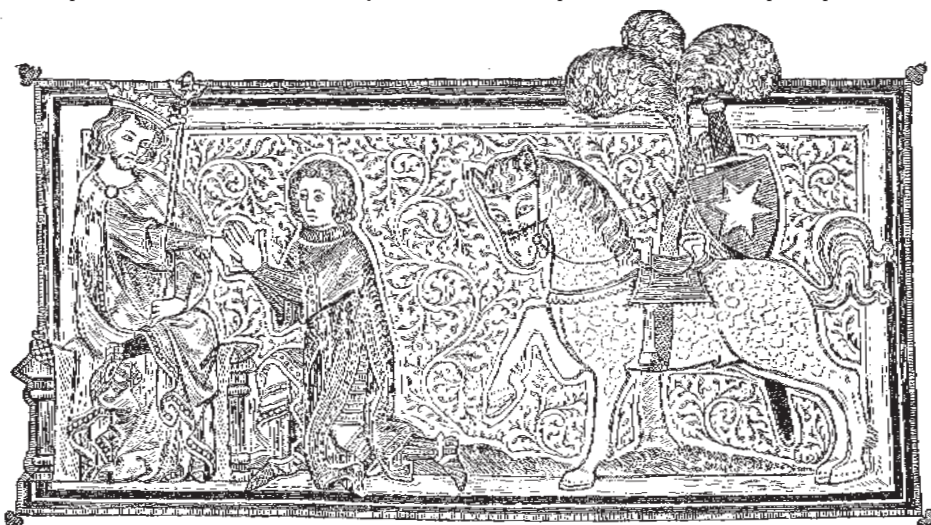
АВЕРС. В поле — бородатый король на троне, в короне, с мечом в правой руке и державой в левой.
Надпись по кругу: +RVDOLPH ROM REX. РЕВЕРС. В поле — арка, над ней три башни, под ней — корона. *Надпись по кругу:* VRBS AQUENSIS VINCE (чеканено в Аахене).

Подчинение Пржемысла.

Печать Пржемысла
Отакара II (1253–1278),
короля Чехии.

присяги, т. к. король Рудольф был в простом воинском доспехе, а гордый Пржемысл в богатом королевском одеянии. Вышеуказанным бракам не суждено было состояться. Удача Рудольфа была слишком внушительна и потому не могла привести к прочному миру. При общераспространенном между князьями и баронами вероломстве недавние союзники короля после заключения мира обратились в его противников, и благодаря этому Пржемысл мог еще раз получить некоторую надежду на успех. Денежная нужда, от которой Рудольф не мог избавиться, побуждала его к обременению новоприобретенных

Рыцарь, приносящий оммаж королю. Миниатюра конца XIII в. из Кассельской лицевой рукописи Вильгельма Оранского.

стран тяжкими налогами. Вскоре он со всех сторон был окружен изменой, и когда Пржемысл, подстрекаемый к тому своей высокомерной женой, боснийской княжной Кунигундой, возобновил войну, то Рудольф ни в ком из важнейших владетельных князей не нашел опоры. Венские граждане даже дошли до такого простодушия, что просили у Рудольфа разрешения на избрание иного владыки, т. к. он их не может защитить от Пржемысла.

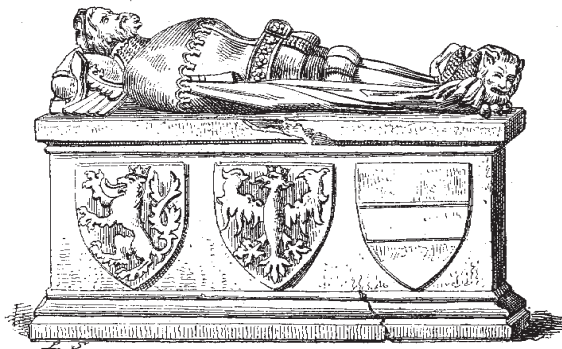
Подчинение Чехии.

Рудольф в данном случае выказал большую смелость: все поставив на карту, он с небольшим рыцарским войском и подоспевшим вовремя вспомогательным отрядом венгерских войск выступил против Пржемысла и в августе 1278 г. решил принять битву в долине Моравы, близ *Сухих Крут*. Эта битва походила скорее на большой рыцарский турнир, чем на действительное сражение, и победа была решена усилиями горсти мужественных рыцарей. И Рудольф, и Пржемысл лично принимали в ней участие и выказали много мужества. Последний продолжал битву даже после того, как большая часть его войск обратилась в бегство; он пал в битве среди общей свалки. Эта

победа послужила основой могущества Габсбургов, и Рудольф сумел воспользоваться ею весьма разумно, даже с некоторым великодушием, которое не принадлежало к числу его добродетелей. Так, само государство Чешское он предоставил 11-летнему сыну Пржемысла *Вацлаву*, на которого, пользуясь его беззащитностью, отовсюду поднялись хищные соседи. Этому отроку он предназначил себе в зятя, а третьего своего сына Рудольфа предполагал женить на сестре юного короля. Моравию он оставил себе в качестве вознаграждения за военные издержки. Каринтию предоставил Мейнхарду Тиролюскому в награду за его услуги. Австрийские земли он поделил между своими двумя сыновьями, Альбрехтом и Рудольфом. Первый из них должен был остаться единственным и полным их обладателем, как только второму удастся добыть себе собственное княжеское владение.

Только в 1281 г. Рудольф смог вновь приняться за устройство остальных своих дел по управлению государством. С особым усердием он хлопотал о поддержании повсеместного мира и в один год издал постановления о нем в Баварии, Франконии, Швабии и Рейнской области. Эти постановления были не более чем повторением известного Майнцкого указа 1235 г., и все преследовали одну цель: обуздание и усмирение хищнических и разбойных подвигов своевольного низшего дворянства. Но среди забот об исполнении королевской обязанности Рудольф не упускал из виду своей главной личной цели — обогащения и упрочения своего дома. Так, например, когда после смерти последнего из Штауфенов герцогство Швабское — прямая собственность короны — попало под власть нескольких князей, Рудольф заявил на него свои права и стал добиваться этого герцогства для своего сына Рудольфа. По этому поводу ему пришлось вести долгую и упорную борьбу с одним из самых могущественных и буйных своих вассалов, графом Эберхардом Бюртембергским, и даже осадить и взять приступом столицу его княжества, Штутгарт (1286 г.).

В Северной Германии Рудольф пользовался весьма малым влиянием. Его зять, герцог Альбрехт Саксонский, поддерживал по мере сил и возможностей его авторитет, стараясь соблюдать его постановления о всеобщем внутреннем умиротворении страны. Все же власть короля здесь была почти неощутимой, и даже те союзы городов и владетельных князей, которые заключались как будто для соблюдения мира и тишины в стране, во многих местах были направлены против самого короля. Рудольф не пытался даже вступаться в борьбу, которая была вызвана Лимбургским спором о наследстве, и в кельнс-

Гробница Пржемысла Отакара II. Пражский собор.

Приобретения Рудольфа. Время его правления после 1281 г.

Положение Рудольфа в Северной Германии.

Замыслы
Рудольфа.

Рудольф I Габсбург. Статуя с гробницы в Шпейерском соборе. Надпись на латыни: «Рудольф Габсбург, римский император, умер на 18 году своего правления в году 1291 от р. Х., в июле месяце, в день разделения Апостолов». Руки, скипетр и корона отреставрированы в XIX в. при реставрации всего памятника по указу императора Франца-Иосифа.

кие усобицы, закончившиеся битвой при Воррингене, которые волновали всю Северо-Западную Германию. Только однажды, в 1289 г., Рудольфу удалось успешно применить королевскую власть в Тюрингии, где он положил конец полной анархии и, разрушив несколько разбойничьих рыцарских замков, казнил 20 главных нарушителей общественного спокойствия.

До конца жизни Рудольф носился с планами и замыслами, которые исключительно клонились к обогащению его дома и усилению его значения. То он задумывал восстановление Арелатского королевства, которое прочил своему младшему сыну вместе с рукой одной из английских принцесс, то вмешивался в дела Венгрии и после убийства короля Владислава (1290 г.) даже серьезно пытался присоединить ее к Германскому королевству. Эти корыстные стремления Рудольфа понемногу оттолкнули от него всех, и недоверие к нему стало всеобщим. Этим недоверием и недовольством, возбужденным в прирейнских городах тяжкими податями Рудольфа, воспользовался один обманщик, выдавший себя за императора Фридриха II, нашел себе сторонников и временно наделал тревоги Рудольфу, который перехитрил его, захватил врасплох и сжег как еретика в 1285 г. Рудольфа совершенно напрасно укоряли в том, что он не побывал в Италии и не добыл императорского титула: в желании добиться этого титула у Рудольфа не было недостатка, как и в угодливости перед папой; но главное препятствие заключалось в недостатке материальных средств. Пытался он добиться того, чтобы его сын Альбрехт еще при жизни Рудольфа был избран королем, — но и это ему не удалось, т. к. он всюду встречал только недовольство и возмущения. Надо отдать ему справедливость: он до конца оставался подвижным и деятельным, несмотря на свои 72 года (уже далеко перевалив за шестой десяток, Рудольф еще раз женился на 14-летней принцессе

Бургундской, почти ребенке), с большой энергией торил свой трудный путь, постоянно борясь то с городами и рыцарством, то с князьями и духовенством, но до самого конца жизни остался тем же, кем был при вступлении на престол — личностью второразрядной по уму и способностям.

Кончина застигла Рудольфа на пути в Шпейер — место успокоения королей и императоров Франконского дома. Силы покинули его прежде, чем он достиг города, и в июле 1291 г. он умер в местечке Гермерсхайм.

Кончина
Рудольфа.

Поскольку королевская власть, несмотря на все анархические и олигархические стремления, преобладавшие в германском обществе, всеми признавалась необходимым элементом общего мира и спокойствия, то выборы короля не замедлили. Главным претендентом на престол стал сын Рудольфа, *Альбрехт, герцог Австрийский*, которого отец еще при жизни назначил наследником. Человек он был очень спокойный и смыслит в правлении, но никому не был приятен и как раз в это время вынужден был все свое внимание обратить на восстание штирийского дворянства. Вследствие этого выбор пал на графа *Адольфа Нассауского* (1292 г.), человека вполне достойного и «доблестного рыцаря», по признанию даже тех хронистов, которые держали сторону Габсбургского дома. Притом он был в самом расцвете лет (37 лет) и обладал редким по тому времени образованием: владел немецким, французским и латинским языками. Его земельные владения ограничивались графством Нассау, которое тогда едва ли равнялось 3/4 нынешней территории Нассауского герцогства. Курфюрстам это было на руку: они, в том числе родственник его, архиепископ Майнцский, воспользовались его избранием в короли, чтобы добиться от него еще разных новых льгот. Однако начало его правления было довольно счастливым. На первом весьма многочисленном съезде в Кельне он вынудил князей, баронов и выборных от городов принести присягу в том, что они обязуются в течение десяти лет сохранять в неприкосновенности постановления о мире и тишине, и даже показал себя весьма энергичным в борьбе против тех, кто нарушал эти постановления. Даже сам Альбрехт Австрийский, его прямой соперник, не решился восстать против него, беспрекословно выдал ему царственные клейноды и принес обычную ленную присягу. Станным противоречием в правлении этого нового короля представлялось то, что король, прежде чем применить свою власть на деле, должен был испрашивать разрешение. Положение Адольфа несколько улучшилось, и сама зависимость его от избирателей была несколько ослаблена, когда он вступил в союз с Эдуардом I, английским королем (1294 г.), против Филиппа Красивого, французского короля. Этот союз отчасти был вызван тем, что Филипп угрожал захватами на юго-западной границе Германского королевства, отчасти нуждой в деньгах, которую до некоторой степени удовлетворяла английская субсидия. Некоторое время Адольф оставался ве-

Адольф I.
1292—
1298 гг.

Печать императора Адольфа Нассауского (1291–1298).

рен этому союзу, но затем угрозы папы, который тогда еще дружил с французским королем, и льстивые обещания Филиппа заставили его нарушить этот союз. Его стремления, как и следовало ожидать, были направлены главным образом на приобретение возможно большего личного веса и значения. Ради подобной цели он вошел в тесные отношения с городами и дал им такие права, которые были весьма выгодны и важны для усиления городов, но шли вразрез с имущественными правами князей и баронов¹.

Мятеж
Альбрехта.

Возрастающим недовольством аристократии воспользовался сын Рудольфа, австрийский герцог Альбрехт, который не отказался от выполнения своих честолюбивых замыслов, а отсрочил его до удобного момента. Отношения обоих соперников оставались натянутыми: каждый старался вредить другому, как мог. К концу 1297 г. габсбургский заговор стал принимать весьма грозный характер. Курфюрсты королевства были озабочены оборотом, который приняла политика короля, а прочие князья с большим недоверием смотрели на сближение короля с низшим дворянством. Обе стороны собирали войска. Князья, участвовавшие в заговоре против короля, а также Майнц, Саксония, Бранденбург, отчасти Кельн и Чехия открыто обвинили короля в ряде неблаговидных поступков, низложили его и на его место избрали Альбрехта. Этот шаг был совершенно противозаконным, но далеко не беспримерным в истории Германии. Народ и большинство князей равнодушно и не трогаясь с места ожидали дальнейших последствий столкновения и собирались при нем присутствовать как при турнире двух знаменитых бойцов. Развязка борьбы последовала очень скоро: Альбрехт появился во главе сильного войска, а король Адольф был слишком доблестным рыцарем и слишком плохим полководцем, чтобы уклониться от сражения. Оно произошло при *Гельхайме* (в Пфальце), у горы Доннерсберг в июле 1298 г., и, в сущности, свелось к рыцарской схватке, хотя рыцарские обычаи при этом и не были соблюдены. Желательно было, конечно, чтобы один из королей нашел в этом бою смерть, и с учетом этого Альбрехт многим из своих рыцарей раздал свои воинские знаки, чтобы привлечь к ним внимание противника. Уверяют, что он приказал своим рыцарям колоть лошадей у противников, что весьма вероятно. Король Адольф — «король баронов и вольных городов», как называет его один из новейших исследователей, упал с коня во время битвы, был унесен с поля в бессознательном состоянии, но, оправившись, вновь вернулся в битву, когда победа уже склонялась на сторону Габсбурга, и был убит в общей свалке. Говорят, что он пал от руки своего торжествующего противника.

Альбрехт I.
1298—
1308 гг.

Альбрехт I (1298—1308) подчинился новому избранию, при котором не поспешил на обещания. Когда подумаешь, сколь обычным было в эти времена нарушение данных обещаний, то, право, можно удивляться только одному — постоянно находились люди, которые этим обещаниям еще верили. Новоизб-

¹ Вопрос касался того класса несвободных граждан, которые переселялись из-под власти баронов и графов, с их земельных владений, в города, лишая их таким образом рабочей и платежной силы. Города же охотно принимали к себе этих граждан, не выдавали их и брали под свою защиту.

ранний король был так же жаден до приобретения, как и его отец; и у него было не менее, чем у отца, поводов, побуждавших к приобретениям — у него тоже было огромное семейство (шесть сыновей и пять дочерей). Он был чрезвычайно последователен в поступках, строго логичен в выводах, неразборчив в средствах и совершенно свободен от всякого идеализма. Как многие из его предшественников, в основу всех своих действий он постоянно ставил одну цель — сделать корону в своем доме наследственной. К этому его побуждало и то внутреннее противоречие, которое неразлучно связано с каждым выборным королевством и более всего тяготит самого избранника. Это сознание главным образом и послужило основой для его политики. В противоположность своему предшественнику, он сблизился с Францией, т. к. вполне разделял с французским королем его весьма вольнодумные воззрения на церковь и ее права. Папа Бонифаций VIII, уже недовольный тем покровительством, которое Альбрехт оказывал евреям, в то время беспощадно преследуемым папами, не признал Альбрехта королем под предлогом, будто тот убил своего предшественника. При одном из свиданий с королем Филиппом (1299 г.), на котором присутствовали некоторые курфюрсты, открылся и тайный план Альбрехта: удержать королевскую корону как наследственную собственность. Речь шла о бракосочетании сына Альбрехта Рудольфа с сестрой короля Филиппа. После коронации Альбрехта императорской короной его сына Рудольфа должны были избрать королем Германии, а в надел он должен был получить Арелат. Вскоре в среде курфюрстов составилась заговор, в котором принимали участие трое духовных курфюрстов и Рудольф, пфальцграф Рейнский, но Альбрехта сложно было заставить врасплох. Подобно своему предшественнику, он вступил в тесные связи с городским сословием, к которому примкнули приверженцы Адольфа,

*Адольф Нассауский в бою. Резьба по кости.
Конец XIII в. Нюрнберг. Германский музей.*

некоторое количество рыцарей и мелких баронов. Когда же он увидел себя достаточно подготовленным к борьбе, он издал манифест к рейнским городам (1301 г.), в котором метко нанес удар своим противникам, объявив об уничтожении всех новых пошлин, самовольно назначенных духовными курфюрстами и другими прирейнскими властителями. Став во главе интересов городского сословия, он при помощи городов одержал полнейшую победу (1302 г.). Со своим войском король явился под стены Кёльна. Местный архиепископ, а вслед за ним и трирский должны были покориться, как уже покорились архиепископ Майнцский и пфальцграф Рейнский. Новопостроенные таможи исчезли, часть коронных имуществ опять оказалась в руках короля. Точно так же удалось королю и повсеместное восстановление мира и тишины в стране; Альбрехт в этом отношении следовал новой, может быть — очень правильной политике, заключая от своего лица, как король, союзы для обеспечения мира с отдельными государственными сословиями. Его союз с королем Филиппом оказался непрочным. В борьбе, которая в ближайшем будущем завязалась между Филиппом и папой Бонифацием, Альбрехт увидел возможность

Печать короля
Альбрехта I
Австрийского
(1298–1308).

склонить папу на свою сторону ради осуществления своих планов о престолонаследии. При этом он разорвал связи с Филиппом, да и от унижения перед папой не много получил прибыли, тем более что тот вскоре после признания Альбрехта королем (в 1303 г.) сошел со сцены. Тогда Альбрехт понял, что существует только одно средство для достижения намеченной цели — избрание страной, и с той поры неуклонно пошел этим путем. В Южной Германии и Швейцарии он действовал довольно удачно. Ловко пользуясь разными замешательствами в соседних странах, он значительно приумножил уже и без того немалые владения своего дома в Южной Германии и Швейцарии. Еще больший, хотя и весьма мимолетный успех он имел в Чехии. После смерти венгерского короля *Андрея III* (1301 г.) венгерская знать раскололась: одна ее часть объявила себя на стороне Вацлава II, внука Пржемысла Отакара II, другая — на стороне Карла-Роберта Неаполитанского, сына Карла Анжуйского. Вацлав II, король Чешский, умер в 1305 г., а год спустя умер и его сын. И тогда Альбрехту удалось добиться, чтобы его сын Рудольф был избран королем Чехии и Моравии (1306 г.) и женился на вдове Вацлава II. Но он вскоре после этого скончался, и таким образом все планы Альбрехта сорвались, а на место его сына королем Чехии был избран герцог Генрих Каринтийский (*Индрижих Хорутанский*).

Что в этой неудаче, как и во многих других, немаловажную роль играли враждебные ему курфюрсты, не может быть никаких сомнений, особенно архиепископ Майнцский *Петр Айхшпальтский*, заклятый враг Габсбургского дома. Есть основания думать, хотя это и не доказано, что ненависть этого сановника церкви оказала влияние на гибель Альбрехта в 1308 г. Племянник Альбрехта

Смерть
Альбрехта.
1308 г.

Иоанн, сын его брата Рудольфа, который убил Альбрехта, долгое время находился в ближайших отношениях с Петром Айхшпальтским. Этому юноше по праву принадлежало графство Кибургское, доставшееся в наследство от матери. Между тем Альбрехт из-за свойственной ему алчности не торопился отдать ему это графство: нелегко было расстаться с тем, что попало к нему в руки. К тому же юноша имел притязания на чешскую корону и был обижен,

In reditu de cur. nūciat ei obitus Albn Regis Romanorū

Архиепископ Трирский узнает о смерти короля Альбрехта. Миниатюра из лицевой рукописи «Кодекс Балдуина Трирского». Кобленц. Провинциальный архив.

Гонец от Петра Айхшпальтского, архиепископа Майнцского, сообщает возвращающемуся из Рима новому архиепископу Трирскому Балдуину Люксембургу, что король Альбрехт убит, и пусть граф Генрих Люксембург, брат Балдуина, готовится принять корону: архиепископ Майнцкий предложит его кандидатуру в императоры. Надпись на латыни: «По возвращении из курии ему возвещают о кончине Альбрехта, римского короля».

когда королем Чехии был избран его двоюродный брат Рудольф, сын Альбрехта. Так понемногу в душе юноши зрела ненависть к Альбрехту, который вообще никому не был симпатичен. Насмешки, которыми король отвечал Иоанну на его усиленные просьбы отдать наследственные земли, еще больше возмутили юношу, и у него, а также в кружке приближенных к нему рыцарей возник план злодейства, которое должно было прититься по вкусу многим. Габсбургс-

кий хронист Оттокар фон Хорнек оставил подробное описание этого страшного события: произошло оно невдалеке от родового замка Габсбургов, в Ааргау. Король возвращался от Бадена к жене, ехал с очень небольшой свитой и уже достиг берегов Рейна, где ему пришлось переправляться через реку на пароме. Заговорщики — рыцари фон Варт, фон Тегерфельд, фон Эшенбах — устроились на этом же пароме, рядом с королем, и переправились за реку вместе с ним. Герцог Иоанн сумел устроить так, что свита короля на некоторое время была задержана по ту сторону реки. Между тем заговорщики окружили короля и двинулись с ним далее; герцог, догнав их, крикнул: «Начинайте!» И Эшенбах схватил под уздцы королевского коня. Король воспринял это как шутку. «Нет, тут уж не до шуток!» — отвечал ему рыцарь. Справа и слева на короля посыпались удары мечей, и он, уже обливаясь кровью из страшной раны, пересекшей ему все лицо, крикнул герцогу: «Помоги!» Тогда и тот бросился на него, воскликнув: «Вот тебе моя помощь!» — и пронзил его сзади мечом с такой силой, что острие вышло из груди. Затем они бросили истекающего кровью Альбрехта на дороге и умчались. Иоанн даже не постыдился захватить королевского коня, на которого пересел после совершения злодеяния.

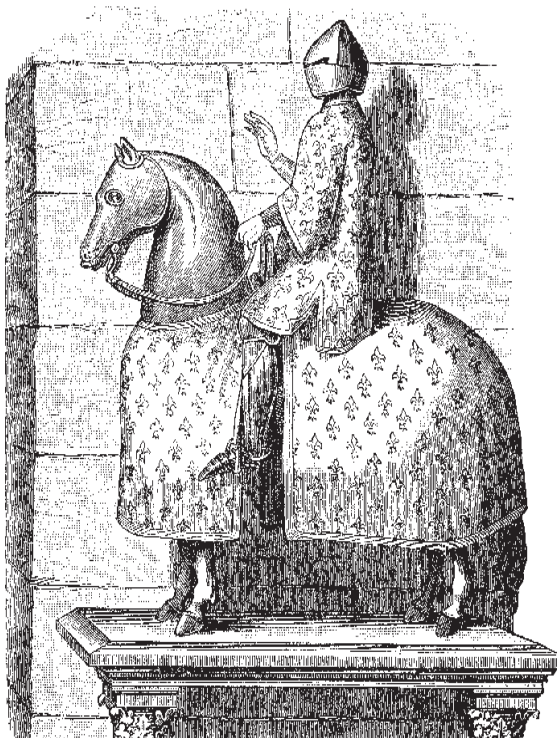
Кандидаты на германскую корону.

Внезапная смерть Альбрехта прервала его очень полезную десятилетнюю государственную деятельность. О его сыновьях на предстоящих выборах уже не могло быть и речи. Все ужасались злодеяниям, все осуждали убийц, которые умерли в изгнании, но даже ужас, внушенный трагическим концом Альбрехта, никого не примирил с его деятельностью. Общее настроение было направлено против всякой наследственности короны, и никому даже в голову не приходило хотя бы на некоторое время предоставить корону одной и той же династии. Притом не было недостатка ни в кандидатах на королевский престол, ни в его прямых соискателях. В Германии насчитывалось уже 38 дворов и самостоятельных княжеств: владетельные дома гордились представителями, которых удалось возвести на королевский престол, да и помимо прав наследственности, которая могла и не установиться в том или другом роде, обладание королевской властью в Германии было выгодным в глазах тех, кто способен был смотреть на права короля как на доходные статьи, не задаваясь при выполнении королевских обязанностей никакими нравственными задачами. Среди претендентов на германскую корону был и один чужеземец — Филипп IV, французский король, который добивался короны для своего брата Карла Валуа. К тому же дом Капетингов в данное время был весьма могущественным; обладая уже французской и неаполитанской коронами, Капетинги добивались обладания венгерской и германской коронами. И на их стороне была очень серьезная сила — папство, которое, восторжествовав над Гогенштауфенами, полвека спустя пришло в упадок вследствие событий, которые поставили пап в позорнейшую зависимость от французских королей.

Папство.

После смерти Людовика Святого и краткого и незначительного правления его сына Филиппа III (1270–1285) на трон вступил его старший сын *Филипп IV*, который впервые с полной ясностью, а потому и с блестящим успехом сумел противопоставить власть национального государства всем поползновениям на всемирное владычество со стороны церкви. Притязания папства на все-

мирное господство, выдвинутые Григорием VII, в 1294 г. нашли себе преемника в лице *Бонифация VIII*. Этот папа, прежде носивший имя Бенедетто Каэтани ди Ананьи, суровый священнослужитель и ученый юрист, посевший на службе папской курии, был человеком в высшей степени гордым и глубоко преданным внешним формам. Не обладая государственным умом Григория VII или Иннокентиев III и IV, он пытался настолько резко проводить их воззрения, что подорвал этим и сам авторитет папства. Временные и второстепенные пререкания, возникшие между Римом и французскими королями, вдруг превратились в великую войну между папством и национальной королевской властью. Поводом к борьбе послужило то, что король Филипп IV во время войны с Англией обложил известного рода налогом и духовенство. Папа ответил на это общим запрещением такой меры в булле, известной под названием «*Clericis laicos*», на основании которой одинаково подвергались отлучению от церкви и клирики, которые стали бы платить вышеупомянутый налог без разрешения папы, и миряне, которые без этого разрешения стали бы взимать налог. Король, вступивший на престол 17-летним юношей и теперь находившийся во цвете лет, очень ловко отразил этот удар, запретив вывоз из своего королевства денег и всякого рода драгоценностей, и заявил, что только бесполезный и «так сказать, парализованный» член тела может отказывать телу в помощи, и что в нуждах государственных обязаны равным образом участвовать и миряне, и духовенство. Таким образом, он и духовенство признал составной частью (членом) государственного организма. На мгновение спор как бы притих. Папа, которому невыгодно было наложенное королем запрещение на вывоз ценностей, попытался добавить к своей булле несколько смягчавшее ее объяснение. К тому же в это время дед короля, Людовик IX, был причислен к лику святых, и Филипп решил отменить

Король Филипп IV Красивый. Конная статуя из собора Парижской Богоматери. Разрушена в 1772 г.

свое распоряжение о невывозе ценностей. Но в 1301 г. борьба разгорелась вновь, и еще сильнее прежнего. Легат, посланный Бонифацием, вызвал гнев короля своим высокомерием и неосторожными высказываниями. Король не затруднился обжаловать образ действий прелата, который был его подданным, и даже заключил его под стражу. Тогда начался обмен дипломатическими нотами между королем и папой, и эти ноты принимали все более ожесточенный тон. Ответное послание папы (*Ausculta fili*) было в феврале 1302 г. публично предано сожжению в Париже. Вообще Филипп весьма к стати сумел перенести борьбу в плоскость национального самосознания, которое уже и в то время было развито во Франции сильнее, чем где-либо. Он созвал баронов и прелатов королевства и даже выборных от городов в Париж, где собрал их в соборе Парижской Богоматери. Все сословия были глубоко возмущены, услышав, что, по утверждению папы, их король якобы владеет своим королевством только как леном, данным ему папской властью, и все приняли сторону короля, сочтя нанесенное ему оскорбление своим личным оскорблением. Французское духовенство, конечно, не могло отнестись к делу так же горячо, однако и оно обратилось к папе с посланием, в котором просило папу восстановить мир и спокойствие в недрах французской церкви. Как раз в это время, в ноябре 1302 г., из Рима последовала знаменитая папская булла «*Unam, sanctam*» — классическое изложение всех коренных убеждений и упований римской курии. В этой булле утверждалось: «Церковь, единая, святая, католическая, апостольская, в какую возможно верить, представляет собой тело с единой главой, а не двуглавое чудовище (*monstrum*): эта единая глава есть Христос и его наместник на земле святой Петр, а равно и преемник Петра — папа. Мечей же существует два: духовный и мирской. Оба они, как духовный, так и материальный (мирской), находятся во власти церкви, и первый из них может быть употреблен в дело только церковью, а второй — только в защиту церкви. Первым может владеть всякое духовное лицо, вторым же и короли, и рыцари (*milites*), но не иначе, как по указанию и благорасположению (*ad nutum et patientiam*) духовенства, ибо каждому из смертных для спасения его души необходимо подчиняться воле и велениям римского первосвященника».

Бонифаций VIII и Филипп IV.

В ответ на эту буллу канцлер короля Гийом де Ногаре выступил на собрании нотаблей в Лувре обвинителем папы, которого, по его словам, на общем соборе следовало осудить как преступника; при этом он призывал всех присутствующих обратиться к королю с просьбой защитить церковь от неистовства папы. Обнаружилось, что король в глазах народа имел больше значения, чем папа. И вот вторично в Лувре собрались все сословия королевства в июне 1303 г., и тут было решено в ближайшем будущем собрать общий собор по инициативе короля, который таким образом предстал здесь поборником веры и защитником церкви от папы — прецедент очень грозный для папского всемогущества, т. к. здесь решения собора опирались на действительную силу. Во множестве адресов — их насчитывали до 700 — различные корпорации королевства, а также университеты и монастыри выражали свое согласие с принятыми на соборе решениями. В свою очередь и Бонифа-

ций решил прибегнуть к последнему средству, бывшему в его распоряжении. Он отправился со своими кардиналами и прочей свитой в Ананьи — на юго-восток от Рима, у подножья Апеннин — чтобы здесь подготовить акт отлучения короля от церкви и освобождения его подданных от присяги ему на верность. Булла уже была подготовлена, как вдруг неслыханное происшествие воспрепятствовало ее обнародованию. Утром 7 сентября 1303 г. в Ананьи увидели всадников и многочисленный отряд пехоты, спускавшихся с гор. Во главе этого войска ехал канцлер французского короля Гийом де Ногаре, снабженный своим государем большими полномочиями. Его сопровождал глава гибеллинской партии в Риме Шарра Колонна, с которым Ногаре вступил в некоторого рода соглашение. Подступив к городу, войско развернуло знамя Франции и затем вошло в город, из которого кардиналы поспешно бежали. С криками «Смерть Бонифацию» и «Да здравствует король французский!» папский дворец заняли солдаты, и маститому старцу-папе было нанесено тяжкое оскорбление. Говорят, что Колонна позволил себе ударить его железной перчаткой по лицу и назвал его первенцем сатаны, как описывают эту отвратительную сцену современные хронисты, и папа перенес оскорбление с полным спокойствием и достоинством главы церкви. Само собой разумеется, что оккупация городка не могла быть продолжительной: граждане восстали поголовно, и небольшой отряд войска, который не мог бы выдержать серьезной борьбы, поспешил удалиться. Но цель этой миссии была достигнута — папство, в лице одного из самых гордых своих представителей, было жестоко унижено, и земля не разверзлась, чтобы поглотить оскорбителей, совершивших чудовищное преступление. Бонифаций поспешил в Рим: он задумал созвать вселенский собор и предоставить на его решение вопрос о том, что случилось. Однако силы ему изменили, испытания оказались слишком тяжелы для 80-летнего старца, и немного спустя, в октябре того же года — черного года в истории церкви — он скончался.

Последствия случившегося в Ананьи очень скоро обнаружились. Уже преемник Бонифация *Бенедикт XI* оказался уступчивым по отношению к французскому королю. Но он правил всего несколько месяцев, и при новом избрании папы в комиссии кардиналов одержала верх французская партия: был избран архиепископ Бордоский *Климент V*, который заручился поддержкой короля, приняв на себя самые стеснительные обязательства, и даже будучи избран в папы, не покинул Францию, т. е. остался в сфере влияния и власти короля Филиппа (1305 г.). С 1309 г. он избрал резиденцией город *Авиньон* на левом берегу Роны, и с 1305 по 1377 гг. все папы продолжали жить во Франции. Этот период времени и называют *авиньонским пленением церкви*.

Король Филипп рассчитывал именно на эту зависимость пап от его воли, когда стал добиваться германской королевской короны для одного из членов своего дома. Этого, однако, ему добиться не удалось, хотя некоторые из курфюрстов, как, например, архиепископ Генрих Кельнский, и склонялись на его

Монета папы Бенедикта XI (1303–1304).

Вавилонское пленение церкви.

Генрих VII — германский король.

сторону. Но архиепископу Петру Майнцскому удалось привлечь всех к избранию *Генриха, графа Люксембургского*, человека прекрасного, хотя уже и пожилого, и не обладавшего ни большими владениями, ни большим значением¹. При короле Адольфе он даже держал сторону Франции и оказал некоторые услуги королю Филиппу IV. И в его образовании, и в образе жизни было больше французского, чем немецкого. Под именем *Генриха VII* он пра-

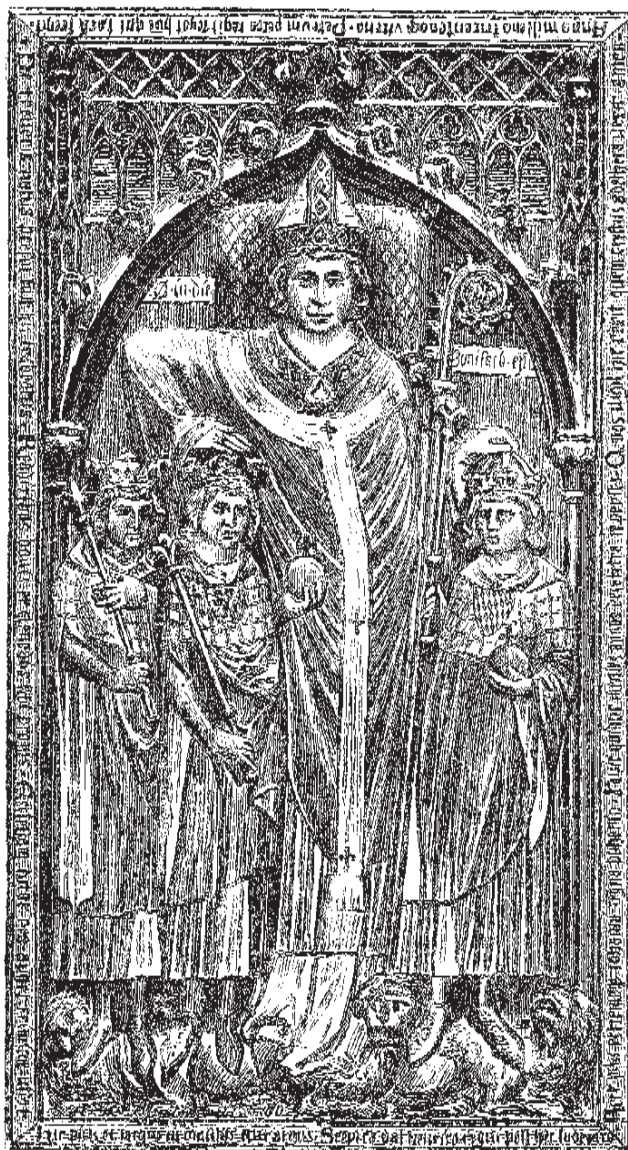

Коронация Генриха VII 6 января 1309 г. германской королевской короной в Аахенском соборе. Миниатюра из лицевой рукописи «Кодекс Балдуина Трирского». Кобленц. Провинциальный архив.

Архиепископ Генрих Кёльнский возлагает корону на голову коленопреклоненному Генриху VII; корона его супруги, стоящей за ним на коленях, еще лежит на алтаре.

вил с 1308 по 1313 г. и, в противоположность своему предшественнику, был правителем просвещенным, в личных отношениях приятным и даже способным стремиться к достижению высших идеалов. Счастье улыбалось ему. Осудив на изгнание убийц своего предшественника, он вступил в соглашение с Габсбургами, и т. к. чешский король Генрих Каринтийский, власть которого была очень слаба, не ходатайствовал в определенный срок об отдаче ему этого лена, он отдал это королевство в лен своему сыну Иоганну (в Чехии — Ян), зная, что Генриху Каринтийскому не по силам было бы справиться с

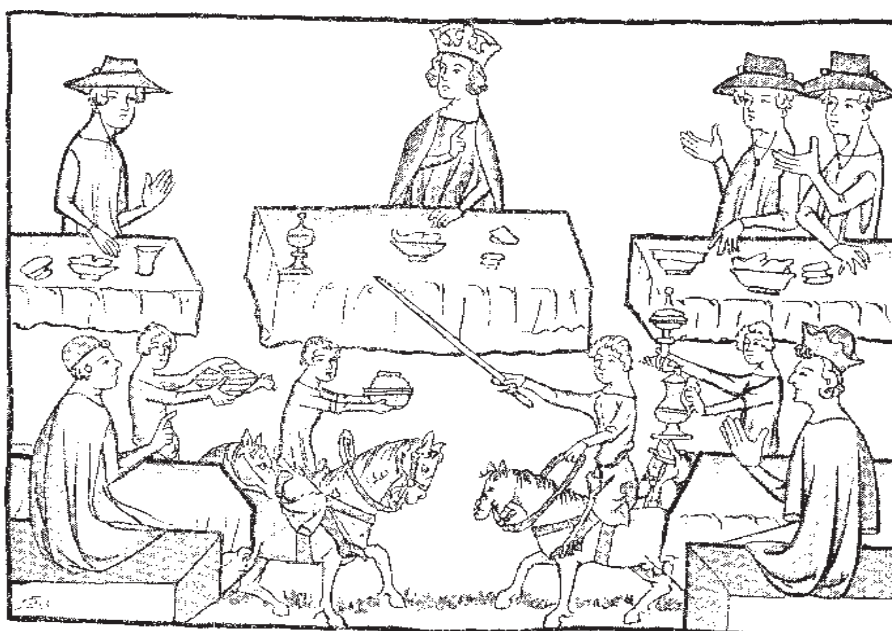
¹ Вся его земля равнялась 150 кв. милям с сотней замков, между Маасом и Мозелем.

Петр Айхшпальтский, архиепископ Майнцский. Статуя с его гробницы в Майнцском соборе.

Окружен тремя коронованными им монархами: императорами Генрихом VII и Людовиком Баварским и Яном Люксембургом, королем Чехии.

этим королевством. Папа Климент признал Генриха королем, и когда вслед за этим все владетельные князья собрались на блестящий рейхстаг в Шпейере, Генрих VII вспомнил о недавнем печальном прошлом и приказал торжественно похоронить останки королей Адольфа и Альбрехта в соборе, где уже покоились трое последних императоров Салического дома, а также Филипп

• Imperator comedit in sc̄a Sauma •

Генрих Люксембург во время торжественных выборов императора. Миниатюра из лицевой рукописи «Кодекс Балдуина Трирского».

Кобленц. Провинциальный архив.

Генрих сидит один за высоким столом; по бокам от него за столами — три кардинала, коронующие его. Напротив слева — архиепископ Балдуин Трирский, справа (в шапке с меховой опушкой) — пфальцграф Рудольф Баварский. Конные слуги разносят кушанья; трухзес, указывающий жезлом на избранного, тоже верхом.

Штауфен и Рудольф I — этот факт рисует Генрих VII как человека тонкого и деликатного.

**Положе-
ние Ита-
лии.** Генрих VII, чтобы утвердить свой авторитет, пошел путем многих своих предшественников: он задался целью восстановления авторитета империи в итальянских землях. Условия жизни в Италии сложились так, что у многих возникло непреодолимое стремление к восстановлению императорской власти. Отсутствие этой власти и его печальные последствия увенчали ее неким ореолом в глазах общественного мнения. Казалось, что по своей природе Ита-

лия, более чем другие страны, предназначена быть единой, какой она некогда и была, а в то же время едва ли какая-нибудь другая страна была вынуждена так долго бороться против розни и с таким трудом добивалась единства, как Италия. Новая династия, завладевшая с 1268 г. Неаполитанским королевством в лице Карла Анжуйского, в это время владела уже только материковой полови-

Impator redit dans Judeis legē moyſi i rotulo.

Император Генрих VII со свитой. Миниатюра из лицевой рукописи «Кодекс Балдуина Трирского». Кобленц. Провинциальный архив.

Генрих VII, возвращающийся из Рима со своего коронования императорской короной (произшедшего 29 июня 1312 г. в церкви св. Иоанна в Латеране), встречает депутацию евреев. Указом папы Каликста II от 1119 г. евреи должны были испрашивать у каждого вновь избранного папы и императора позволения жить дальше в городах и исповедовать свою религию.

ной государства Штауфенов. Еще в 1282 г. ненависть к французскому владению на острове Сицилия привела к крупному заговору, опиравшемуся на связи с константинопольским двором и с *Педро III Арагонским*, зятем короля Манфреда, которого несчастный Конрадин, говорят, уже на эшафоте назвал наследником своих притязаний. Душой этого заговора был один из представителей сицилийской знати, *Джованни да Прочида*. Случайное происшествие — насилие, совершенное французским часовым над одной палермской девушкой — вдруг пробудило народную ярость в праздник Пасхи 1282 г., и все фран-

цузы, каких только удалось разыскать на острове, пали жертвой этого восстания: около 12 тысяч человек погибли во время этой страшной «Сицилийской вечерни». На острове было установлено временное правительство, и при помощи Педро Арагонского сицилийцам удалось отстоять свою независимость и

Избрание императора. Миниатюра из лицевой рукописи «Кодекс Балдуина Трирского». Кобленц. Провинциальный архив.

Семь курфюрстов (слева направо: архиепископы Кёльнский, Майнцский и Трирский, герцоги Баварский и Саксонский, маркграф Бранденбургский и король Чешский) 27 ноября 1308 г. избирают графа Генриха Люксембурга императором.

от завоевательных попыток французов, и от угроз и карательных мероприятий римской курии. И даже когда Хайме II Арагонский отрекся от притязаний на остров, сицилийцы на своем сейме избрали своим королем его брата *Федерико* и создали самостоятельное правление (1295 г.). Таким образом здесь, на юге, вместо одного государства создалось два, и тем самым надолго была утрачена всякая возможность прийти к какому-нибудь умиротворению.

Италия. В остальной Италии, где политический процесс образования меньших и больших территориальных государств шел почти тем же путем, что и в Германии, хаос всевозможных усобиц был еще запутаннее, чем в Германии,

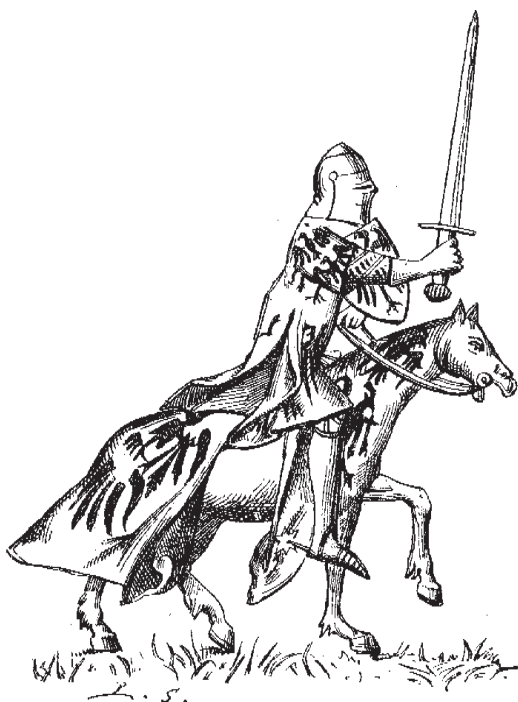
а при более живом и страстном характере народа эти усобицы были еще более кровавыми и жестокими. В Северной Италии независимость и свобода, которую здесь города отстаивали в борьбе с императорами из Штауфенского дома, вызвала к жизни многие силы, но в то же время привела к образованию множества отдельных центров: на пространстве между Альпами и Адриатическим морем образовалось около 40 самостоятельных общин, которые переживали то же, что некогда уже было пережито мелкими греческими автономиями... Жизнь этих городов представляла собой непрерывную цепь всяких перемен и усобиц между отдельными городами и коалициями городов, борьбы за гегемонию, угнетение меньших городов большими, а также вечные распри среди необузданной демократии, жестокой тирании и бессердечной аристократии, во всех возможных проявлениях. Названия *гвельфов* и *гибеллинов*, давно уже утратившие свой настоящий смысл, т. к. о династии Штауфенов или «Вайблингенов» все уже давно забыли, обозначали уже только две главные партии, которые тут и там уже боролись не за определенные принципы или идеи, а за обладание властью, и каждая из них, победив, самым жестоким образом старалась воспользоваться плодами своей победы. Вожаки побежденной партии немедленно должны были покидать город как изгнанники — *banditi* — и то значение, которое впоследствии приобрело слово «бандит», лучше всего характеризует способ мести своим согражданам, избираемый этими изгнанниками. При этом, однако, нельзя отрицать, что эта острая борьба за власть, это естественное соперничество больших городов, таких как Пиза и Флоренция, Милан, Генуя, Венеция, приводило, как в городах древней Греции, к страшному напряжению сил и тем самым давали мощный толчок всему течению жизни, так что этот период по отношению к Италии ни в коем случае нельзя считать периодом регресса. Достаточно вспомнить, что величайший, глубокомысленный и гениальнейший из всех средневековых поэтов *Данте Алигьери* родился в 1265 г. во Флоренции, и вся его жизнь с самой ранней юности прошла среди борьбы партий черных и белых, как называли их во Флоренции. И если в это время, на вулканической почве Италии, могло появиться поэтическое произведение, подобное Дантовой «*Комедии*»¹, надо предположить, что здесь действовали такие силы, которые могли проявляться только в людях, одаренных благородными и возвышенными задатками.

Такие люди с грустью размышляли о печальном положении своей родины (вышеупомянутый великий поэт сравнивает Италию с кораблем в жестокую бурю и без путеводных звезд), и теперь, когда даже папство попало в позорную зависимость от французской короны, с надеждой обращали взоры в сторону германского короля, который, по их мнению, мог быть единственным миротворцем и третейским судьей среди бушующей борьбы партий. Многие из здравомыслящих людей поспешили войти в отношения с Генрихом VIII, который смотрел на свою задачу в Италии исключительно с этой идеалистической точки зрения третейского судьи. Он предавался благородным мечтам, как он справится с раздирающими усобицами партий по-

Походы
Генриха
в Рим.
1310 г.

¹ Наименование «Божественной комедии», по-видимому, дано публикой.

средством доброй воли и полного беспристрастия. Мечты эти поддерживались отчасти и итальянцами, а сам папа Климент V, несмотря на свое стесненное положение, относился к замыслу Генриха благосклонно. Но, увы, королевская власть в Германии была слаба, и это особенно ясно видно по тому ничтожному количеству войск (всего 5 тысяч человек!), с которым Генрих двинулся за Альпы в октябре 1310 г. В этом отношении, впрочем, его по-

Генрих VII в полном боевом облачении на коне.
Миниатюра из лицевой рукописи «Кодекс
Балдуина Трирского». Кобленц. Провинциальный
архив.

ход в Италию мало отличался от многих предшествующих. Вначале все шло довольно удачно, Генриху даже удалось устроить нечто вроде соглашения между вожаками двух главных партий в Милане. Однако вскоре ненависть взяла верх над миролюбием, и король, конечно, не мог действовать иначе, как решительно приняв сторону одной из партий и подставив ей под нож другую. Он поставил одного из членов фамилии Висконти, Маттео, градоправителем Милана, украсил свое чело знаменитой железной короной, а затем отплыл из Пизы с 1300 рыцарями и прибыл в Рим. И здесь он застал разгар борьбы двух враждующих партий. Вождями одной были Орсини, другой — фамилия Колонна. Здесь его пребывание сопровождалось тревогами и кровавыми схватками, которые длились в течение

всего времени, пока король готовился к принятию императорской короны. Коронавание это наконец было совершено по

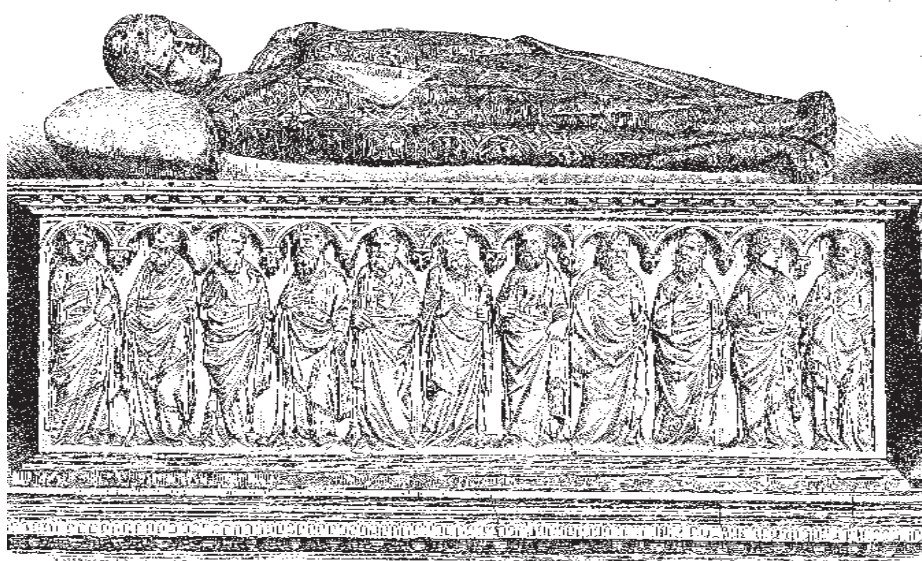
приказанию папы в Латеране в июне 1312 г., т. к. Ватикан и церковь святого Петра находились во власти партии, противной императору.

Естественным вождем гвельфов в Италии был король Роберт Неаполитанский, против которого Генрих и вступил в союз с Федерико II Сицилийским. Надо заметить, что гвельфская партия преобладала во Флоренции, да и во всей Северной Италии была сильнее гибеллинской; в дела Италии вмешалась и Франция. Филипп IV предложил Генриху уступить ему Арелатское королевство, обещая в случае уступки оставаться нейтральным по отношению к его действиям в Италии. Когда же Генрих отказал ему, то Филипп IV,

Кончина
Генриха.
1313 г.

а затем и папа перешли на сторону врагов императора, у которого и войска, и денег было слишком мало, чтобы решить борьбу одним ударом. В то время сын Генриха Ян Чешский, оставленный им в Германии правителем, благополучно успел утвердиться в обладании чешским королевским престолом. На сейме, созванном Яном в начале 1313 г. в Нюрнберге, война против Роберта Неаполитанского была признана общегосударственной войной, и решено было

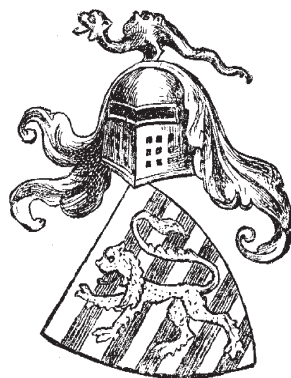

Гробница Генриха VII в церкви Кампо-Санто в Пизе.

Мрамор. Школа Джованни Пизано, фигуры апостолов на фризе работы Тино ди Камайно. Тело, окутанное дорогими одеждами, лежит в естественной позе; нижняя мантия украшена люксембургскими львами, верхняя орлами империи. В надписи, в частности, говорится, что останки императора покоятся в гробнице нетленными.

отправить в Италию значительные военные силы. Господству в Неаполе французской династии (вообще нелюбимой) грозила большая опасность, и Генрих уже собирался, несмотря на то, что папа грозил ему отлучением от церкви, двинуться в поход против сильного врага... Но вдруг во время похода, в августе 1313 г., в г. Буонковенто близ Сиены его постигла смерть на 51-м году жизни. По слухам, он был отравлен, а яд будто бы был дан ему доминиканцем во время причастия. Смерть его, конечно, избавляла и флорентийцев, и неаполитанского короля от большой опасности, и отравление во всех видах было в тогдашней Италии делом обычным, однако все это, конечно, еще не может быть ручательством в несомненности этого страшного факта. Но уже сами слухи и толки такого рода служат указанием на то, что в этой стране яростных и разнузданных страстей «все было возможно», выражаясь словами одного хрониста. После смерти Генриха гвельфская партия опять

получила перевес. Войско, собранное им, рассеялось. Из числа немецких солдат, так называемых «ольтрамонтани» Генриха, многие были приняты на службу веронским князем Кангранде делла Скала, важнейшим из гибеллинских вождей, и ко всем бедствиям, которые обрушились на Италию, прибавились еще и шайки наемников, на которые опиралась тирания, вызванная и здесь, как и в древней Греции, где избытком свободы, а где и чрезмерным высокомерием господствующей аристократии.

Герб династии Люксембургов.